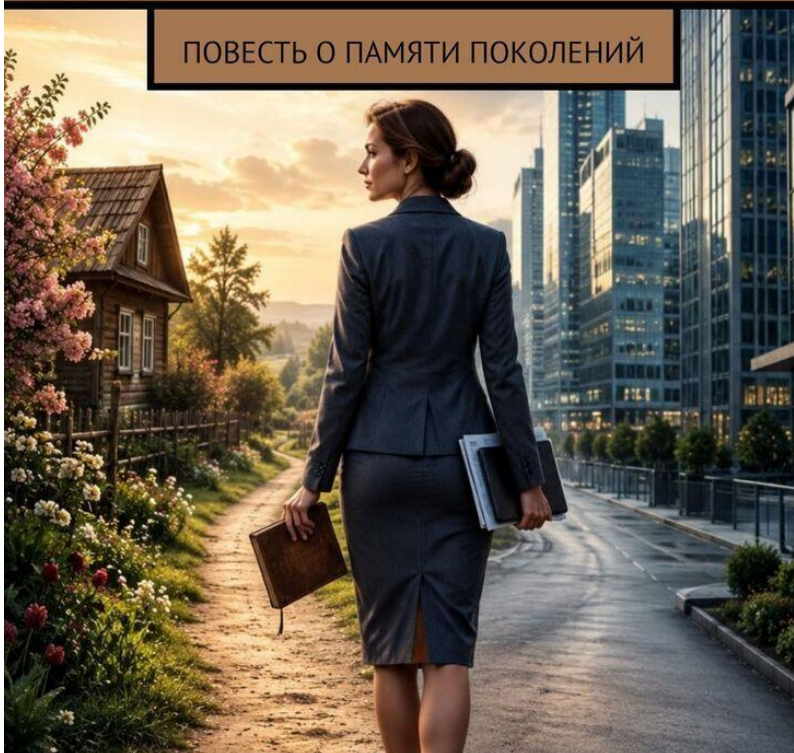

18+

НИГОРА СОБИРОВА

Код цветущего корня

ПОВЕСТЬ О ПАМЯТИ ПОКОЛЕНИЙ

Нигора Собирова
Код цветущего корня.
Повесть о памяти поколений

<https://litres.ru/74153479>

ISBN 9785007019149

Аннотация

Катерина — успешная московская бизнес-леди. Когда её родовую деревню в Тверской области решают снести ради бездушной застройки, она бросает мегаполис и едет спасать дом предков. Там, листая старинный дневник прабабушки, она заново учится ценить традиции. Её главным врагом становится Дмитрий — директор той самой строительной компании. Но встретившись у истока великой реки, вчерашние соперники открывают друг другу души и искренне влюбляются.

Содержание

Глава 1. Цена блеска	7
Глава 2. Чужая земля	11
Глава 3. Клавиши памяти	14
Глава 4. Голос сквозь столетие	17
Глава 5. Первый бой	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

**Код цветущего корня
Повесть о памяти
поколений**

Нигора Собирова

© Нигора Собирова, 2026

ISBN 978-5-0070-1914-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Слово к читателю: О том, что сокрыто внутри нас

Эта книга родилась не просто так. Она выросла из одной простой мысли, которая, я уверена, часто приходит в голову каждому из нас.

Мы, жители больших городов, вечно куда-то бежим. Наша жизнь наполнена суетой: бесконечные дела, работа, заботы о заработке, звонки и экраны телефонов. Мы привыкли мерить свой успех должностями и дорогими вещами. Нам кажется, что мы всё делаем правильно. Но почему тогда, возвращаясь вечером домой, мы так часто чувствуем странную

пустоту в душе? Почему наше сердце порой становится холодным и жёстким, словно металл?

Эта повесть — обо всех нас. О том, как за шумом мегаполиса мы незаметно забыли что-то очень важное. Забыли свои корни, свои истоки, теплоту бабушкиных рук и мудрые рассказы наших дедушек. Мы стали забывать, как пахнет настоящая, простая жизнь, как греет душу честный труд и какой чистой бывает любовь, когда в ней нет фальши.

Открывая эту книгу, я прошу вас: остановитесь на минуту. Забудьте о спешке. Позвольте себе мысленно вдохнуть аромат цветущего весеннего сада, услышать, как журчит вода в чистом лесном ручье, и вспомнить своих предков. Вспомнить тех, с кого начинался ваш род. Ведь пока мы помним о них — в наших сердцах жива настоящая человечность.

Глава 1. Цена блеска

Огромные панорамные окна моих апартаментов выходили на залитый огнями центр Москвы. Город внизу напоминал растревоженный муравейник, где миллионы людей куда-то спешили, боролись за место под солнцем и пытались доказать друг другу свою значимость. В этой престижной, дорогой и безупречно красивой квартире всё было пропитано успехом. Мягкий дизайнерский ковер, минималистичная мебель, изысканные предметы искусства...

Я сидела в глубоком кресле, держа на коленях раскрытую книгу. Страницы были наполнены чьими-то великими мыслями, но буквы расплывались перед глазами. Я поймала себя на мысли, что уже несколько минут просто смотрю в одну точку.

В моей жизни было всё, о чём принято мечтать. Меня зовут Катерина Петрова, мне тридцать пять лет, и я — заместитель директора в крупнейшей компании сотовой связи. Мой день расписан по минутам: важные совещания, миллионные контракты, руководство огромным штатом сотрудников. Я привыкла к дорогим вещам, качественному сервису и новым автомобилям. Я создала себя сама, шаг за шагом пробивая дорогу к вершине.

Но именно в этот вечер, глядя на столицу с высоты своего благополучия, я вдруг отчётливо поняла: мне чего-то отча-

янно не хватает. В этой жизни, выверенной до идеала, оставалась какая-то пугающая брешь. Я не могла понять, что именно со мной не так? Почему внутри меня разрослась эта звенящая, холодная пустота?

Ответ лежал на поверхности, хоть я и гнала его от себя годами. В погоне за карьерой и социальным статусом я совершенно забыла о том, что такое тепло. У меня не было семьи. Мои самые близкие люди — родители и брат — жили на другом конце света, в солнечной Калифорнии. Брат уехал туда очень давно, пустил корни, обзавёлся семьёй, а через несколько лет перевёз к себе и родителей, предложив им пожить в достатке и покое. Я же осталась в России. С утра до вечера я пропадала в стеклянном офисе, развивая карьеру, заменяя личную жизнь бесконечными отчётами и графиками. И никогда — до сегодняшнего дня — мне не было так одиноко.

Тишину квартиры нарушил резкий, требовательный звон телефона. На экране высветилось родное слово: «Отец».

Я с улыбкой приняла вызов, но стоило мне услышать его голос, как улыбка погасла. Голос отца был непривычно тихим, надломленным и бесконечно грустным.

— Катенька... — тихо произнёс он через тысячи километров разделяющего нас океана. — Нам сегодня звонили из Тверской области. Старый дом твоей бабушки... Его хотят снести. Он ведь пустует после её ухода. Местные власти и инвесторы решили расчистить этот участок, чтобы постро-

ить на его месте большой современный супермаркет.

Услышав это, я невольно усмехнулась. Для меня, как для человека бизнеса, ситуация выглядела абсолютно стандартно и просто.

— Отец, ну и пусть, — легко ответила я, поправляя шелковый рукав домашнего халата. — Да за этот дом даже если копейки заплатят — заберите эти деньги, подпишите бумаги и забудьте. Кому нужен этот старый разваливающийся дом, полный векового хлама? От него одни убытки и заботы.

В трубке повисла тяжёлая, гнетущая тишина. Я почти физически почувствовала, как мои слова ранили отца. Когда он заговорил снова, в его голосе прозвучала такая глубокая обида, от которой у меня перехватило дыхание.

— Тебе не понять, Катя... — с горечью выдохнул он. — Да, я живу сейчас в богатой стране. У меня прекрасные условия. Но моё сердце, дочка, оно осталось там. Там, где прошло моё детство. Там осталась память о моих родителях, о том, через что мы проходили в том старом доме... Перед самой смертью твоя бабушка взяла с меня обещание. Она держала меня за руку и умоляла: «Что бы ни случилось в жизни, сынок, не дай пропасть нашему дому. Твоя прабабушка и прадедушка строили его своими руками, поливали эту землю потом и кровью...» Это не просто брёвна, Катя. Это наши корни.

Слова отца ударили по моей напускной деловитости. Мне стало стыдно за свой холодный, циничный тон. Внутри что-

то дрогнуло. Я поняла, что прагматизм здесь неуместен. Отключив свои жёсткие бизнес-принципы, я вздохнула и мягко ответила:

— Хорошо, отец. Прости меня. Если от меня что-то требуется, я всё сделаю.

Отец заметно оживился, в его голосе появилась надежда:

— Катенька, пожалуйста, поезжай туда. Нужно сделать всё возможное, использовать любые законные пути, связи, чтобы дом не сносили. Ведь там вокруг полно пустой земли! Пусть строят свои супермаркеты чуть дальше, зачем же уничтожать историю семьи?

— Я поняла тебя. Я разберусь, обещаю, — тихо сказала я.

Я положила телефон на стол и подошла к окну. Завтра мне предстоит дальняя дорога. Мне нужно поехать в те края, где когда-то жили мои родные, где закладывался наш род. Но там, в Тверской глубинке, всё совсем не так, как здесь, в Москве. Я привыкла к роскоши, новизне, комфорту и безупречному порядку. Я терпеть не могла старые вещи.

Засыпая в ту ночь, я даже близко не могла себе представить, что этот вынужденный поход в старый бабушкин дом перевернёт всю мою душу, до основания изменит моё мировоззрение и навсегда перепишет мои взгляды на жизнь...

Глава 2. Чужая земля

Ранним утром Москва ещё спала, окутанная предрассветным сизым туманом. Я выехала со двора, когда навигатор показывал едва ли пять часов утра. Заехав на заправку и до отказа наполнив бак, я выехала на трассу, ведущую в сторону Тверской области.

Если бы мне кто-то сказал ещё неделю назад, что я брошу все свои важные дела, совещания и контракты ради поездки в глухую деревню, я бы просто рассмеялась этому человеку в лицо. Я категорически не хотела туда ехать. Каждая клеточка моего тела сопротивлялась этой поездке. В моей жизни всё было распланировано, комфортно и предсказуемо, и в эту идеальную картину никак не вписывалась глухая провинция. Я никогда в жизни не совершила бы подобного глупого поступка, но данное отцу обещание и его надломленный, полный боли голос в телефонной трубке буквально заставляли меня двигаться вперёд. Назад дороги не было.

Я принципиально отказалась от поезда или наёмного водителя — мне хотелось быть за рулём самой, контролировать хотя бы свой путь, если уж я не могла контролировать эту нелепую ситуацию. Моя дорогая, новая машина, пахнущая дорогой кожей, плавно летела по асфальту, изолируя меня от внешнего мира мощным климат-контролем и качественной музыкой в колонках. Но чем дальше я удалялась от столицы,

тем сильнее менялся пейзаж за стеклом.

Хорошая федеральная трасса незаметно сменилась разбитой дорогой, а затем и вовсе превратилась в сплошные ухабы. Скорость пришлось сбросить до минимума. Я ехала и с растущим раздражением смотрела по сторонам. Мимо проплывали серые, покосившиеся старые дома с потемневшими от времени заборами. Вокруг тянулась непролазная весенняя грязь, размытые обочины и заброшенные пустыри. Мне казалось, что я совершила прыжок во времени и пространстве, переместившись на сто или двести лет назад, в какую-то дремучую древность, где застряла настоящая разруха. Мне не нравилось абсолютно всё, что я видела. Внутри нарастало глухое возмущение: «Зачем я здесь? Зачем трачу своё драгоценное время на эту глушь?» Но долг перед отцом упрямо гнал меня вперёд.

Наконец, навигатор уныло пискнул, сообщая, что я добралась до нужных координат. Машина остановилась на самом краю раскисшей деревенской улицы, где в углу, зажатый между разросшимися старыми деревьями, стоял тот самый дом.

Я глубоко вздохнула, открыла дверцу и вышла из тёплого, стерильного салона автомобиля. Ноги в дорогих брендовых туфлях тут же ощутили сырость местной земли.

Я замерла, глядя на старый дом моей бабушки. Вокруг кипела какая-то своя, совершенно чуждая мне жизнь. Возле покосившейся деревянной ограды играли громкие деревен-

ские дети, из соседних дворов доносились голоса — это были местные жители, соседи, которые с любопытством поглядывали на мою дорогую иномарку. Но я не знала здесь абсолютно никого. Всё вокруг, до последнего камушка и лица, было мне незнакомо и чуждо. Я чувствовала себя иностранкой на этой земле.

Я подошла к крыльцу, и едва моя рука коснулась старой деревянной двери, как в нос ударил резкий, тяжёлый запах плесени, сырости и заброшенности. Внутри дома всё выглядело ещё печальнее. Везде, куда ни бросишь взгляд, лежал вековой хлам, громоздились покрытые толстым слоем пыли вещи, старая надколотая утварь и потемневшая мебель.

Я стояла посреди этого заброшенного царства, и у меня опускались руки. Я искренне не знала, что мне теперь делать. Что я должна предпринять, чтобы спасти от сноса этот хлам? Ради чего бороться за этот старый, разваливающийся дом, в котором нет ни капли комфорта, а есть только грязь, пыль и удушливый запах сырости? Я совершенно не понимала психологию этих людей — зачем они, и мой отец в том числе, так судорожно хранят все эти ветхие вещи и цепляются за дома, которые давно отжили своё? В этом месте не было будущего. Здесь было только давящее, пыльное прошлое.

Я устало прислонилась к дверному косяку, понимая, что впереди меня ждёт самая невыносимая неделя в моей жизни...

Глава 3. Клавиши памяти

Я сидела посреди этой заброшенной комнаты, и у меня опускались руки. Настоящая глушь. «Боже, я больше не могу здесь находиться... Разве тут вообще можно жить?» — крутилось у меня в голове. Внутри нарастало глухое раздражение. Я с нетерпением ждала местного человека, который обещал прийти и помочь мне разобраться с документами и осмотреть дом, но он безнадежно задерживался.

Время словно остановилось. Скука была просто невыносимой. Я попыталась отвлечься и взять в руки телефон, но экран упрямо показывал отсутствие сети — даже сотовая связь здесь, вдали от цивилизации, отказывалась нормально ловить. Смирившись с обстоятельствами, я открыла ноутбук. Моя работа всегда была моим спасением, моим убежищем от любых личных бурь. Я погрузилась в проверку рабочих отчётов и почты, молясь только об одном: чтобы время пронеслось как можно быстрее.

Когда последняя задача была выполнена, я с тихим хлопком закрыла крышку ноутбука. В комнате снова повисла густая, звенящая тишина. Я поднялась со стула, обвела взглядом полумрак и вдруг замерла. Мой взгляд упал на старое, покрытое плотным слоем вековой пыли пианино, стоявшее в углу.

В памяти смутно всплыли рассказы отца о том, как хо-

рошо когда-то бабушка играла на нём, наполняя этот дом живыми, чарующими звуками. Мне всегда нравились подобные музыкальные инструменты, в них была какая-то особая магия, но в моей реальной жизни — в погоне за карьерой, должностями и успехом — у меня никогда не хватало времени на то, чтобы остановиться и заняться музыкой.

Словно под действием какого-то необъяснимого импульса, я подошла к инструменту. Дерево под пальцами было холодным. Я аккуратно открыла крышку, обнажая пожелтевшие от времени клавиши, и наугад нажала на несколько из них. Я стала перебирать их, совершенно не разбираясь в нотах и правилах, извлекая случайные, хаотичные звуки. Это не была мелодия, но внутри меня вдруг родилось какое-то странное, непонятное, но удивительно хорошее и тёплое ощущение.

Я остановилась, оставив пальцы на клавишах, и задумалась. В тишине дома этот звук отозвался глубоким эхом. Ведь когда-то... когда-то этих самых пыльных клавиш касались руки моих предков. Они сидели здесь, радовались, грустили, любили. Вот почему отец так отчаянно цепляется за это место. Вот почему он ни за какие деньги не хочет терять всё это. Это не просто хлам. Это их осязаемая память.

Мои мысли прервал внезапный грохот. Небо за окном потемнело, и начался сильный дождь. Крупные капли неистово забарабанили по стеклам, и почти сразу сверху, со стороны потолка, раздался мерный, раздражающий звук: *кап... кап...*

кап... Старая крыша не выдержала напора стихии, и прямо с чердака начала сочиться вода.

Нужно было срочно найти что-то, чтобы подставить под капли или накрыть ценные вещи. Спасая положение, я отыскала лестницу и поднялась на чердак.

Здесь, под самой крышей, царил особый мир. Стоило мне переступить порог, как вокруг поднялись клубы вековой пыли. В полумраке лежали горы старья: поломанная мебель, старинная утварь, стопки пожелтевших старых книг. Но моё внимание привлёк массивный, скованный железом деревянный сундук, спрятанный в самом углу. Поддавшись внезапному любопытству, я подошла к нему и с трудом откинула тяжёлую крышку.

На самом дне сундука лежали аккуратные стопки каких-то старых писем, перевязанных выцветшей лентой, а под ними — толстая, массивная книга в потёртом переплёте. Я бережно взяла её в руки и смахнула пыль с обложки. Открыв первую страницу, я вгляделась в неровные строчки, написанные от руки, и поняла: это был дневник памяти. Живая летопись моей семьи.

Я стояла посреди пыльного чердака, под стук дождя, прижимая эту книгу к груди. В тот момент я ещё даже близко не могла предположить, что все эти слова, бережно сохранённые на пожелтевших страницах старого дневника, навсегда и безвозвратно изменят мою сытую, комфортную и такую пустую жизнь...

Глава 4. Голос сквозь столетие

Шум дождя на чердаке казался оглушительным. Тяжёлые капли с бешеной силой лупили по старой жестяной крыше, создавая ощущение, что я осталась совершенно одна во всей вселенной, отрезана от цивилизации плотной, непреодолимой водяной стеной. Вода из прорехи в кровле продолжала мерно и гулко стекать в подставленное старое корыто, но я уже забыла, зачем вообще сюда поднялась. Окружающая меня сырость, которая ещё пару часов назад вызывала лишь брезгливость и раздражение, теперь отступила на задний план.

Я сидела прямо на полу, на каком-то пыльном, потёртом шерстяном ковре, поджав под себя ноги и совершенно не думая о том, что могу испачкать свою дорогую одежду. На моих коленях лежала массивная, удивительно тяжёлая тетрадь. Её переплёт из грубой серой кожи местами потрескался от времени, а уголки были аккуратно подшиты потемневшими нитками. От неё шёл особый, ни на что не похожий аромат — запах высушенных степных трав, старинных чернил, древесной смолы и самого времени. Мои пальцы, которые привыкли касаться лишь безупречно гладкого, холодного стекла смартфона или пластика клавиатуры, с лёгким, благоговейным трепетом провели по этой шершавой коже. Сердце в груди забилося ровно, глубоко и сильно, словно предчув-

ствуя встречу с чем-то грандиозным, что должно было навсегда расколоть мою жизнь на «до» и «после».

Я аккуратно, стараясь даже не дышать, перевернула массивную обложку. Страницы внутри были толстыми, цвета топлёного молока, с неровными краями, сделанными вручную. На первой странице красивым, каллиграфическим, но слегка размашистым и уверенным почерком, какой уже совершенно не встретишь в нашей суетливой современности, было выведено: *«Дневник памяти рода нашего. Писано рукой рабы Божьей Анны»*.

Анна. Моя прабабушка. Та самая женщина, о которой мой отец всегда говорил с особым, почти религиозным благоговением в голосе, когда мы ещё жили все вместе, до их переезда в Калифорнию. Я затаила дыхание, наклонилась ближе к странице в полумраке чердака и начала читать самую первую, сокровенную запись. С самых первых слов эта пугающая, звенящая пустота, которая мучила меня в Москве, начала медленно, капля за каплей, заполняться удивительным, живым и осязаемым теплом.

«Сегодня особенный день, — писала прабабушка Анна. — Завершили мы наконец строительство нашего дома. Мой муж забивал последний гвоздь в конёк крыши, когда огромное солнце медленно садилось за дальний холм. Руки его были в кровь стёрты, лицо от жаркого солнца и тяжёлого пота совсем потемнело, но глаза сияли так ярко, точно он всё золото мира в этой земле отыскал. Он спустился ко

мне с лестницы, бережно обнял за плечи своими огромными, уставшими руками и сказал: „Ну вот, Анушка, пустили мы корни на этой земле. Этот дом не просто из брёвен срублен, он из нашей верности, терпения и честного труда сложен. Каждое бревно я сам в лесу выбирал, молился над каждым деревом, просил у Бога благословения. Наш пот и кровь здесь пролиты, чтобы детям, внукам и далёким потомкам нашим всегда было где согреться, когда в мире людском холод и лютый мороз настанут“».

У меня перехватило дыхание. Строчки перед глазами слегка поплыли. Я оторвала взгляд от текста и медленно осмотрелась вокруг, всматриваясь в массивные бревенчатые стены чердака, подпирающие темнеющую кровлю. Тёмные, крепкие брёвна, вековые годовые кольца на древесине... Это были именно те самые брёвна, о которых писала Анна. Те самые, которые я ещё пару часов назад, едва переступив порог, высокомерно и брезгливо назвала «старым хламом», «гнилыми развалинами» и «сырым углом». Мне стало нестерпимо, до жгучей боли стыдно перед этой мудрой, дождливой тишиной старого дома. Мои предки строили это семейное гнездо своими руками, отдавая последние силы, вкладывая в каждый вбитый гвоздь свою душу, веру и искреннюю надежду на то, что их далёкие дети будут здесь счастливы и защищены. А я... я приехала сюда из Москвы с холодным, расчётливым умом топ-менеджера, готовая без тени сомнения отдать этот святой семейный храм под безжалостный нож

бульдозера ради постройки безликого, холодного супермаркета из пластика и бетона.

Я сглотнула подступивший к горлу комок и снова опустила глаза к дневнику, бережно переворачивая пожелтевший лист. Строчки текли дальше, словно живой, чистый и целебный родник, смывая с моей души накопленную годами московскую циничную пыль, эгоизм и напускную деловитость.

«Помни, дитя моё, кто бы ты ни был, читающий эти скромные строки через многие года, — продолжала прабабушка Анна на следующей странице, и мне казалось, что её тихий, ласковый голос звучит прямо здесь, в полумраке чердака, обращаясь лично ко мне. — Бывают в жизни времена тяжёлые, смутные, когда кажется человеку, что весь мир ополчился против него, и в самой душе наступает лютый, непроглядный мороз. В такие дни человек часто совершает ошибку: он бежит за внешним блеском, гонится за богатством, за высокими чинами, за признанием и похвалой людской, наивно думая, что всё это сможет его согреть и защитить. Но помни старую мудрость: одежда, сотканная из чистого золота, тела никогда не согреет, если само сердце внутри холодное и пустое. Настоящее, незыблемое тепло даёт человеку лишь корень его. Дом — это не просто деревянные стены и крыша от дождя. Дом — это живая память о тех, кто любил тебя и молился за тебя ещё до твоего появления на этот свет. Никогда в жизни не предавай землю, которая тебя взрастила, и людей, которые честно

делят с тобой один хлеб. В уважении к своему прошлому скрыта великая, непостижимая сила, способная поднять человека с самых колен, какие бы бури ни бушевали вокруг».

Я читала эти слова, и из моих глаз сами собой хлынули слёзы. Первая горячая капля сорвалась с ресниц и упала прямо на край пожелтевшей страницы, мгновенно впитавшись в древнюю бумагу, словно соединяя мою кровь с кровью прабабушки. Столько лет... Столько долгих лет я куда-то бежала, не зная отдыха. Я отдавала все свои силы, молодость и нервы ради карьеры, ради престижной должности заместителя директора крупной компании сотовой связи, ради дорогих брендовых вещей, роскошных автомобилей и завистливых взглядов окружающих. Я искренне считала, что это и есть настоящий, абсолютный успех. Но почему же тогда каждый вечер в моей шикарной, огромной московской квартире в центре столицы мне было так невыносимо, до крика одиноко? Почему внутри меня всегда жила эта звенящая, мёртвая пустота, которую не могли заполнить никакие деньги и дорогие курорты?

Ответ лежал здесь, на чердаке. Потому что у меня не было фундамента. Я оторвалась от своих корней, превратилась в перекасти-поле, забыв, каково это — просто чувствовать себя частью огромного, сильного, честного и любящего рода, который стоит за твоей спиной.

Дождь за окном постепенно начал стихать, его яростный стук сменился мягким, умиротворяющим весенним шоро-

хом. На чердаке сквозь крошечное мутное окошко понемногу за брезжил первый свет — приближался рассвет. Я и не заметила, как просидела над дневником памяти всю ночь, страница за страницей впитывая великую мудрость прабабушки Анны. В моей душе произошёл тектонический сдвиг. Я твёрдо поняла одну вещь: я ни за что на свете не позволю снести этот дом. Я включу все свои связи, весь свой юридический и деловой опыт, я буду бороться за него до последнего вздоха перед любыми застройщиками и чиновниками. Это место — не хлам. Это моя спасённая, оживающая душа.

Спустившись с чердака обратно в комнату, я аккуратно легла на старый, скрипучий диван, крепко прижимая серую кожаную тетрадь к своей груди, словно это было самое дорогое сокровище на планете. Впервые за долгие, мучительные годы я засыпала с искренней, мягкой улыбкой на губах, а внутри меня, в самом центре той былой пустоты, словно под первыми теплыми лучами весеннего солнца, робко, но уверенно пробивался маленький, прекрасный цветок совершенно новой, настоящей жизни...

Глава 5. Первый бой

Я проснулась от того, что резкий, золотистый луч весеннего солнца пробился сквозь мутное, невымытое стекло старого окна и коснулся моего лица. Я зажмурилась, приподнялась на старом диване и первым делом посмотрела на свои руки. Тяжёлая тетрадь в сером кожаном переплёте всё ещё была крепко прижата к моей груди, словно самый надёжный щит в мире.

Ночь, проведённая на чердаке наедине с мыслями прабабушки Анны, будто смыла с меня всю вчерашнюю брезгливость. Я оглядела комнату, и удивительно — этот дом больше не казался мне гнилым или чужим. Запах сырости и старых вещей теперь ощущался совсем иначе: это был запах вековой истории, которую я только-только начала открывать для себя. Пыль на клавишах пианино больше не выглядела грязью — теперь это был слой времени, который бережно хранил музыку моих предков от забвения. Я встала, расправила плечи и поймала себя на мысли, что внутри меня больше нет той звенящей, тоскливой пустоты. Появилось какое-то новое, доселе незнакомое мне чувство — глубинная, спокойная уверенность. Я больше не была просто успешной женщиной из Москвы. Я была Катериной Петровой, и за моей спиной стоял мой род.

Тишину свежего деревенского утра внезапно разорвал

грубый, вызывающий гул мощного автомобильного двигателя. К покосившемуся забору бабушкиного дома, поднимая фонтаны жидкой грязи, подкатил лоснящийся, идеально чистый чёрный внедорожник. Из него вышел мужчина средних лет в дорогом, безупречно отутюженном костюме. В этой провинциальной глуши он выглядел так же нелепо и чужеродно, как и я сама ещё вчера вечером.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.